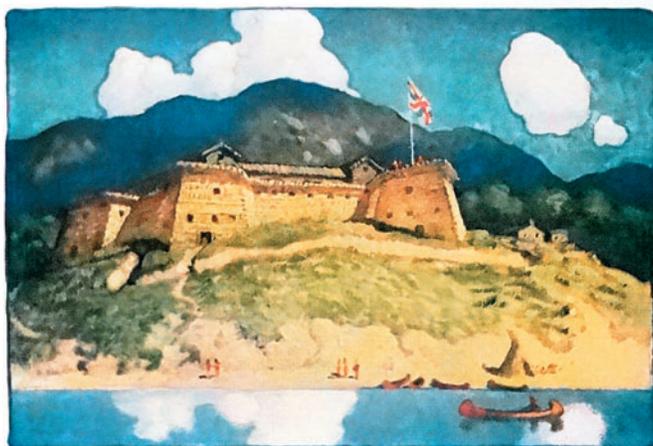

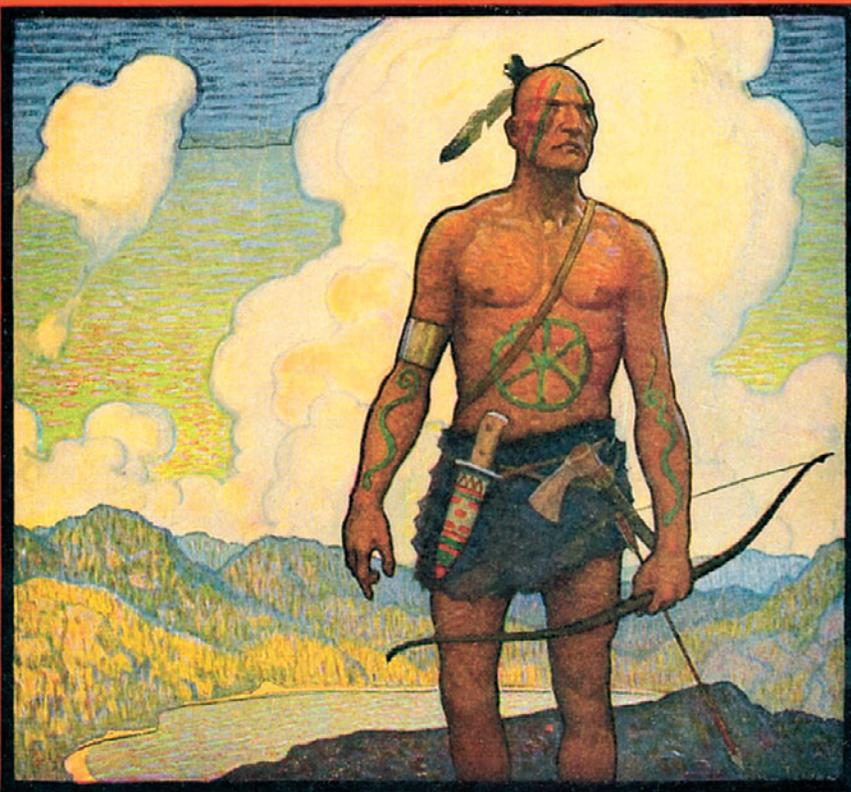
БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ФЕНИМОР КУПЕР

THE LAST OF THE MOHICANS

BY
JAMES FENIMORE COOPER

Copyright Charles Scribner's Sons

ФЕНИМОР КУШЕР

Последний из могикан,
или Повествование
о 1757 году

Иллюстрации
М. ЭЛЬВИРО АНДРИОЛЛИ
и Н. КОНВЕРСА УАЙЕТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Англ.) 6-5
К92

Перевод с английского
Е. Чистяковой-Вер и А. Ретиной

Рисунок на переплете
С. А. Григорьев

Купер Фенимор

К92 Последний из могижан, или Повествование о 1757 годе: Роман / Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 351 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2111-4

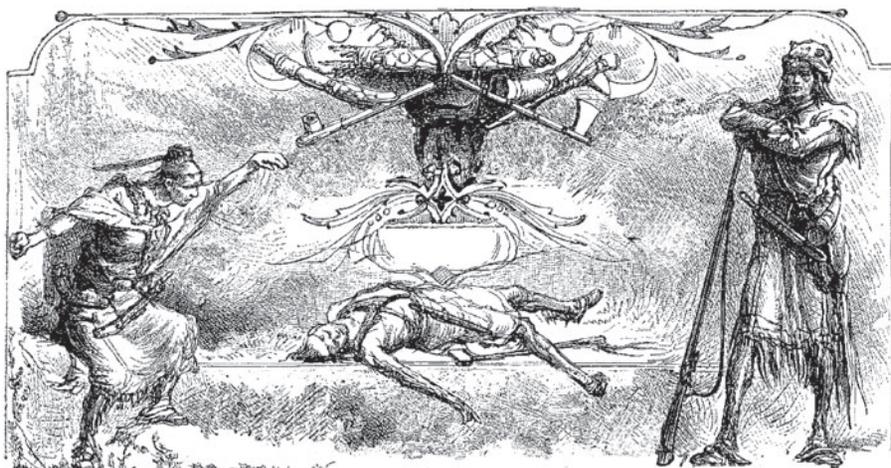
Цикл романов о Натаниэле Бампо — Кожаном Чулке (он же Зверобой, Соколиный Глаз, Следопыт, Длинный Карабин) принес Джеймсу Фенимору Куперу (1789—1851) мировую славу.

Настоящее издание романа «Последний из могижан», входящего в пенталогию о Натти Бампо, включает в себя полный комплект из 137 рисунков польского художника Михала Эльвио Андриолли. Всемирную известность как лучший иллюстратор Купера он приобрел после создания цикла из 576 рисунков к его романам — «Шпион» (1884), «Последний из могижан» (1884), «Пионеры» (1885), «Прерия» (1885). В издании также воспроизводятся 17 цветных иллюстраций Ньюэлла Конверса Уайета.

УД 821.161.1
ББК 84(Англ.) 6-5

ISBN 978-5-9922-2111-4

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ГЛАВА I

Глаза и уши наши беспристрастны,
Готовы мы любую весть услышать,
Скажи скорей, погибло ль королевство?

Шекспир, «Ричард II»

Может быть, на всем огромном протяжении границы, которая отделяла владения французов от территории английских колоний Северной Америки, не найдется более красноречивых памятников жестоких и свирепых войн 1755—1763 годов, чем в области, лежащей при истоках Гудзона и около соседних с ними озер.

Эта местность представляла для передвижения войск такие удобства, что ими нельзя было пренебрегать.

Водная гладь Шамплейна тянулась от Канады и глубоко вдавалась в колонию Нью-

Йорк; вследствие этого озеро Шамплейн служило самым удобным путем сообщения, по которому французы могли проплыть до половины расстояния, отделявшего их от неприятеля.

Близ южного края озера Шамплейн с ним сливаются хрустально ясные воды озера Хорикэн — Святого озера.

Святое озеро извиается между бесчисленными островками, и его теснят невысокие прибрежные горы. Изгибами оно тянется далеко к югу, где упирается в плоскогорье. С этого пункта начинался многомильный волок, который приводил путешественника к берегу Гудзона; тут плавание по реке становилось удобным, так как течение свободно от порогов.

Выполняя свои воинственные задачи, французы пытались проникнуть в самые отдаленные и недоступные ущелья Аллеганских гор и обратили внимание на естественные преимущества только что описанной нами области. Действительно, она скоро превратилась в кровавую арену многочисленных сражений, которыми враждующие стороны надеялись решить вопрос относительно обладания колониями.

Здесь, в самых важных местах, возвышавшихся над окрестными путями, выростали крепости; ими овладевала то одна, то другая враждующая сторона; их то срывали, то снова отстраивали, в зависимости от того, чье знамя взвивалось над крепостью.

В то время как мирные земледельцы старались держаться подальше от опасных горных ущелий, скрываясь в старинных поселениях, многочисленные военные силы углублялись в девственные леса. Возвращались оттуда немногие, изнуренные лишениями и тяготами, упавшие духом от неудач.

Хотя этот беспокойный край не знал мирных ремесел, его леса часто оживлялись присутствием человека.

Под сенью ветвей и в долинах раздавались звуки маршей, и эхо в горах повторяло то смех, то вопли многих и многих беззаботных юных храбрецов, которые в расцвете своих сил спешили сюда, чтобы погрузиться в глубокий сон долгой ночи забвения.

Именно на этой арене кровопролитных войн развертывались события, о которых мы попытаемся рассказать. Наше повествование относится ко времени третьего года войны между Францией и Англией, боровшихся за власть над страной, которую не было суждено удержать в своих руках ни той, ни другой стороне.

Тупость военачальников за границей и пагубная бездеятельность советников при дворе лишили Великобританию того гордого престижа, который был завоеван ей талантом и храбростью ее прежних воинов и государственных деятелей. Войска англичан были разбиты горстью французов и индейцев; это неожиданное поражение лишило охраны большую

часть границы. И вот после действительных бедствий выросло множество мнимых, воображаемых опасностей. В каждом порыве ветра, доносившемся из безграничных лесов, напуганным поселенцам чудились дикие крики и зловещий вой индейцев.

Под влиянием страха опасность принимала небывалые размеры; здравый смысл не мог бороться с встревоженным воображением. Даже самые смелые, самоуверенные, энергичные начали сомневаться в благополучном исходе борьбы. Число трусливых и малодушных невероятно росло; им чудилось, что в недалеком будущем все американские владения Англии сделаются достоянием французов или будут опустошены индейскими племенами — союзниками Франции.

Поэтому-то, когда в английскую крепость, возвышавшуюся в южной части плоскогорья между Гудзоном и озерами, пришли известия о появлении близ Шамплейна маркиза Монкальма и досужие болтуны добавили, что этот генерал движется с отрядом, «в котором солдат что листьев в лесу», страшное сообщение было принято скорее с трусливой покорностью, чем с суровым удовлетворением, которое следовало бы чувствовать воину, обнаружившему рядом с собою врага. Весть о наступлении Монкальма пришла в разгар лета; ее принес индеец в тот час, когда день уже склонялся к вечеру. Вместе со страшной новостью гонец передал командиру лагеря просьбу Мунро, коменданта одного из фортов на берегах Святого озера, немедленно выслать ему сильное подкрепление. Расстояние между фортом и крепостью, которое житель лесов проходил в течение двух часов, военный отряд со своим обозом мог покрыть между восходом и заходом солнца. Одно из этих укреплений верные сторонники английской короны называли фортом Уильям-Генри, а другое — фортом Эдвард, по имени принцев королевского семейства. Ветеран-шотландец Мунро командовал фортом Уильям-Генри. В нем стоял один из регулярных полков и небольшой отряд колонистов-волонтеров; это был гарнизон, слишком малочисленный для борьбы с подступавшими силами Монкальма.

Должность коменданта во второй крепости занимал генерал Вебб; под его командованием находилась королевская армия численностью свыше пяти тысяч человек. Если бы Вебб соединил все свои рассеянные в различных местах отряды, он мог бы выдвинуть против врага вдвое больше солдат, чем было у предприимчивого француза, который отважился уйти так далеко от своего пополнения с армией не намного большей, чем у англичан.

Однако напуганные неудачами английские генералы и их подчиненные предпочитали дожидаться в своей крепости приближения грозного неприятеля, не рискуя выйти навстречу Монкальму, чтобы превзойти

удачное выступление французов у Декеснского форта, дать врагу сражение и остановить его.

Когда улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, в лагере, защищенном траншеями и расположенном на берегу Гудзона в виде цепи укреплений, которые прикрывали самый форт, прошел слух, что полуторатысячный отборный отряд на рассвете должен двинуться из крепости к форту Уильям-Генри. Слух этот скоро подтвердился; узнали, что несколько отрядов получили приказ спешно готовиться к походу. Все сомнения по поводу намерений Вебба рассеялись, и в течение двух-трех часов в лагере слышалась торопливая беготня, мелькали озабоченные лица. Новобранец тревожно сновал взад и вперед, суетился и чрезмерным рвением своим только замедлял сборы; опытный ветеран вооружался вполне хладнокровно, неторопливо, хотя строгие черты и озабоченный взгляд ясно говорили, что страшная борьба в лесах не особенно радует его сердце.

Наконец солнце скрылось в потоке сияния на западе за горами, и, когда ночь окутала своим покровом это уединенное место, шум и суета приготовлений к походу смолкли; в бревенчатых хижинах офицеров погас последний свет; сгустившиеся тени деревьев легли на земляные валы и журчащий поток, и через несколько минут весь лагерь погрузился в такую же тишину, какая царила в соседних дремучих лесах.

Согласно приказу, отданному накануне вечером, глубокий сон солдат был нарушен оглушительным грохотом барабанов, раскатистое эхо которых далеко разносилось во влажном утреннем воздухе, гулко отдаваясь в каждом лесном углу; занимался день, безоблачное небо светлело на востоке, и очертания высоких косматых сосен выступали на нем все отчетливей и резче. Через минуту в лагере закипела жизнь; даже самый нерадивый солдат и тот поднялся на ноги, чтобы видеть выступление отряда и вместе с товарищами пережить волнения этой минуты. Несложные сборы выступавшего отряда скоро закончились. Солдаты построились в боевые отряды. Королевские наемники красовались на правом фланге; более скромные волонтеры из числа поселенцев покорно заняли места слева.

Выступили разведчики. Сильный конвой сопровождал повозки с походным снаряжением; и, прежде чем первые лучи солнца пронизали серое утро, колонна тронулась в путь. Покидая лагерь, колонна имела грозный, воинственный вид; этот вид должен был заглушить смутные опасения многих новобранцев, которым предстояло выдержать первые испытания в боях. Солдаты шли мимо своих восхищенных товарищей с гордым и воинственным видом. Но постепенно звуки марша стали замолкать в отдалении и наконец совершенно замерли. Лес сомкнулся, скрывая от глаз отряд.

Теперь ветер не доносил до оставшихся в лагере даже самых громких, пронзительных звуков; последний воин исчез в лесной чаще.

Тем не менее, судя по всему, что делалось перед самым крупным и удобным из офицерских барачков, еще кто-то готовился двинуться в путь. Перед домиком Вебба стояло несколько великолепно оседланных лошадей; две из них, очевидно, предназначались для женщин высокого звания, которые нечасто встречались в этих лесах. В седле третьей красовались офицерские пистолеты. Остальные кони, судя по простоте уздечек и седел и привязанным к ним выюкам, принадлежали низшим чинам. Действительно, совсем уже готовые к отъезду рядовые, очевидно, ждали только приказа начальника, чтобы вскочить в седла. На почтительном расстоянии стояли группы праздных зрителей; одни из них любовались чистой породой офицерского коня, другие с тупым любопытством следили за приготовлениями к отъезду.

Однако в числе зрителей был один человек, манеры и осанка которого выделяли его из числа прочих. Его фигура не была безобразна, а между тем казалась донельзя нескладной. Когда этот человек стоял, он был выше остальных людей; зато сидя он казался не крупнее своих собратьев. Его голова была чересчур велика, плечи слишком узки, руки длинные, неуклюжие, с маленькими, изящными кистями. Худоба его необыкновенно длинных ног доходила до крайности; колени были непомерно толсты. Станный, даже нелепый костюм чудака подчеркивал нескладность его фигуры. Низкий воротник небесно-голубого камзола совсем не прикрывал его длинной худой шеи; короткие полы кафтана позволяли насмешникам потешаться над его тонкими длинными ногами. Желтые узкие нанковые брюки доходили до колен; тут они были перехвачены большими белыми бантами, истрепанными и грязными. Серые чулки и башмаки довершали костюм неуклюжей фигуры. На одном башмаке чудака красовалась шпора из накладного серебра. Из объемистого кармана его жилета, сильно загрязненного и украшенного почерневшими серебряными галунами, выглядывал неведомый инструмент, который среди этого военного окружения можно было ошибочно принять за некое таинственное и непонятное оружие. Высокая треугольная шляпа, вроде тех, какие лет тридцать назад носили пасторы, увенчивала голову чудака и придавала почтенный вид добродушным чертам лица этого человека.

Группы рядовых держались в почтительном отдалении от дома Вебба; но та фигура, которую мы только что описали, смело вмешалась в толпу генеральских слуг. Станный человек без стеснения осматривал лошадей; одних хвалил, других бранил.

— Вот этот конек не доморощенный, его, вероятно, выписали из-за границы... может быть, даже с острова, лежащего далеко-далеко, за синими морями, — сказал он голосом, который поражал своей благозвучной

мягкостью, так же как удивляла вся его фигура своими необычными пропорциями. — Скажу без хвастовства: я могу смело рассуждать о подобных вещах. Я ведь побывал в обеих гаванях: и в той, которая расположена при устье Темзы и называется по имени столицы старой Англии, и в той, что зовется просто Нью-Хейвен — Новой гаванью. Я видел, как бригантины и барки собирали животных, точно для ковчега, и отправляли их на остров Ямайка; там этих четвероногих продавали или выменивали. Но такого коня я никогда не видывал. Как это сказано в Библии? «Он нетерпеливо роет копытами землю долины и радуется своей силе; он несется навстречу воинам. Среди трубных звуков он восклицает: «Ха, ха!» Он издали чует битву и слышит воинский клич». Это древняя кровь, не правда ли, друг?

Не получив ответа на свое столь необычное обращение, которое было высказано с такой полнотой и силой звучного голоса, что заслуживало некоторого внимания, он обернулся к молчаливо стоявшему че-

ловеку, который явился его невольным слушателем, и новый, еще более достойный восхищения объект предстал перед взором чудака. Он с удивлением остановил свой взгляд на неподвижной, прямой и стройной фигуре индейца-скорохода, который принес в лагерь невеселые вести.

Хотя индеец стоял точно каменный и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на шум и оживление, царившие вокруг, черты его спокойного лица в то же время выражали угрюмую свирепость, которая непременно бы привлекла к себе внимание и более опытного наблюдателя, чем тот, кто разглядывал его теперь с нескрываемым удивлением. Индеец был вооружен томагавком и ножом, а между тем не был похож на заправского воина. Напротив, во всем его облике сквозила небрежность, происходившая, возможно, от какого-то большого недавнего напряжения, от которого он еще не успел оправиться. На суровом лице туземца военная окраска расплылась, и от этого его темные черты невольно выглядели еще более дико и отталкивающе, чем в искусных узорах, наведенных для устрашения врагов. Лишь глаза его, сверкавшие, словно яркие звезды между туч, горели дикой злобой. Только на одно мгновение пристальный, мрачный взгляд скорохода поймал удивленное выражение глаз наблюдателя и тотчас же, отчасти из хитрости, отчасти из пренебрежения, обратился в другую сторону, куда-то далеко-далеко в пространство.

Вдруг засуетились слуги, послышались нежные женские голоса, и все это возвестило о приближении тех, кого ожидали, чтобы вся кавалькада двинулась в путь. Человек, любовавшийся конем офицера, внезапно отступил к своей собственной низкорослой, худой лошади с подвязанным хвостом, которая пощипывала сухую траву; одним локтем он оперся на шерстяное одеяло, заменяющее ему седло, и стал следить за отъезжающими. В это время с противоположной стороны к его кляче подошел жеребенок и принялся лакомиться ее молоком.

Юноша в офицерском мундире подвел к лошадям двух девушек, которые, судя по их костюмам, приготовились отправиться в утомительное странствие через леса.

Вдруг ветер откинул длинную зеленую вуаль, прикрепленную к шляпе той из них, которая казалась младшей (хотя они обе были очень молоды); из-под вуали показались ослепительно-белое лицо, золотистые волосы, блестящие синие глаза. Нежные краски неба, которые все еще разливались над соснами, не были столь ярки и прекрасны, как румянец ее щек; начинавшийся день не был столь светел, как ее оживленная улыбка, которой она наградила молодого человека, помогавшего ей сесть в седло.

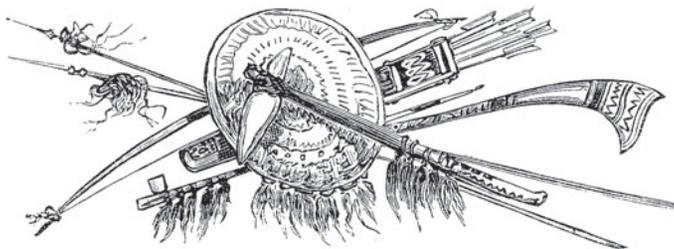
Офицер с таким же вниманием отнесся и ко второй всаднице, лицо которой заботливо скрывала вуаль. Она казалась старше сестры и была немного полнее.

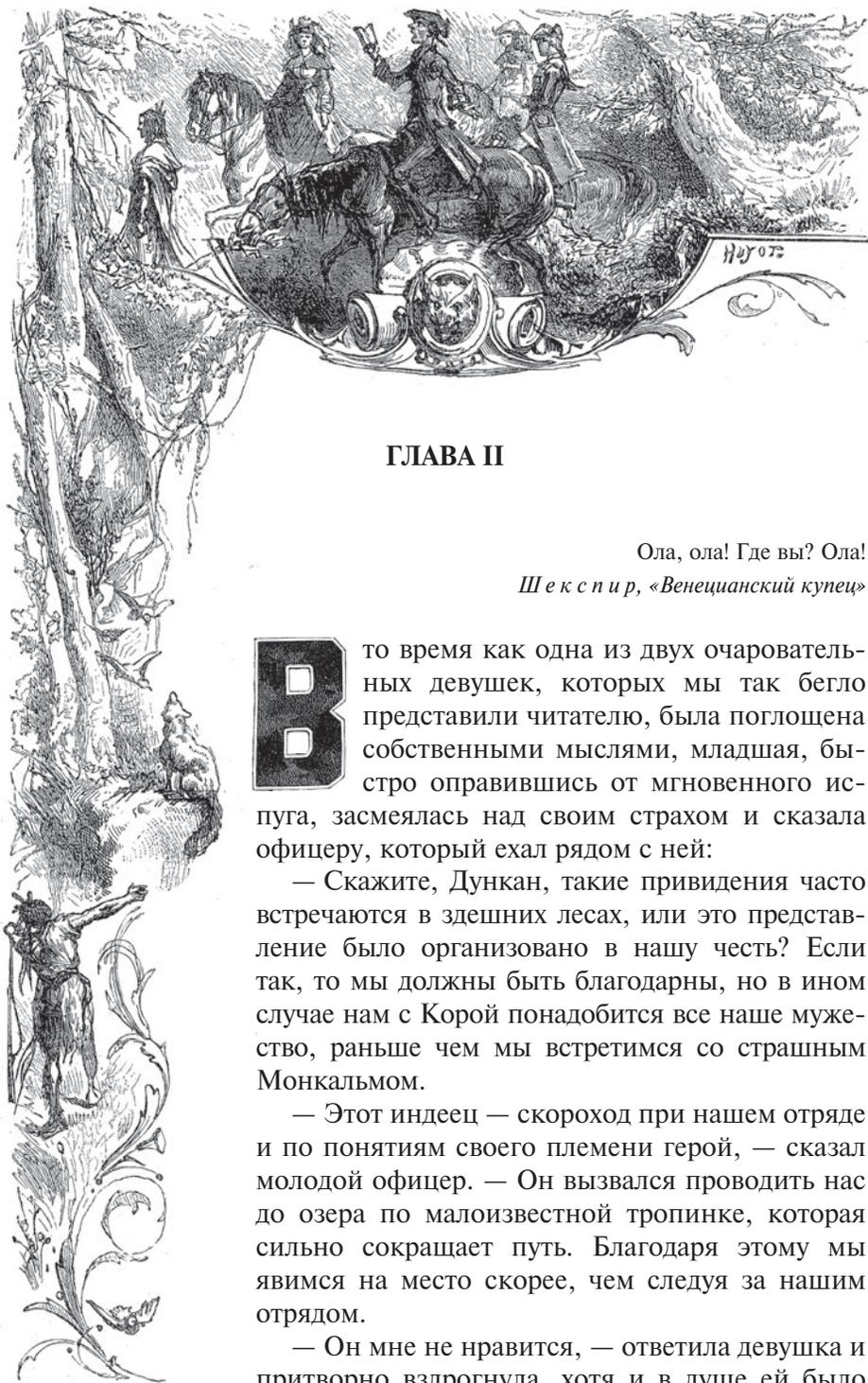

Как только девушки сели на лошадей, молодой человек легко вскочил в седло. Все трое поклонились генералу Веббу, вышедшему на крыльцо, чтобы проводить путников, повернули лошадей и легкой рысью двинулись к северному выезду из лагеря. Несколько нижних чинов поехали вслед за ними. Пока отъезжающие пересекали пространство, отделявшее их от большой дороги, никто из них не произнес ни слова, только младшая из всадниц слегка вскрикнула, когда мимо нее неожиданно про-

скользнул индеец-сороход и быстрыми плавными шагами двинулся по военной дороге. Старшая из сестер при появлении индейца-сорохода не проронила ни звука. От удивления она выпустила складки вуали, и ее лицо открылось. Сожаление, восхищение и ужас мелькнули в ее чертах. Волосы этой девушки были цвета воронова крыла. На незагорелом лице ее играли яркие краски, хотя в нем не было ни малейшего оттенка грубости. Ее черты отличались тонкостью, благородством и поразительной красотой. Словно сожалея о своей забывчивости, она улыбнулась, блеснул ряд ровных зубов, белизна которых могла соперничать с лучшей слоновой костью.

Потом, поправив вуаль, она опустила голову и продолжала свой путь в молчании, подобно человеку, чьи мысли были далеки от всего окружающего.

ГЛАВА II

Ола, ола! Где вы? Ола!
Шекспир, «Венецианский купец»

В то время как одна из двух очаровательных девушек, которых мы так бегло представили читателю, была поглощена собственными мыслями, младшая, быстро оправившись от мгновенного испуга, засмеялась над своим страхом и сказала офицеру, который ехал рядом с ней:

— Скажите, Дункан, такие привидения часто встречаются в здешних лесах, или это представление было организовано в нашу честь? Если так, то мы должны быть благодарны, но в ином случае нам с Корой понадобится все наше мужество, раньше чем мы встретимся со страшным Монкальмом.

— Этот индеец — скороход при нашем отряде и по понятиям своего племени герой, — сказал молодой офицер. — Он вызвался проводить нас до озера по малоизвестной тропинке, которая сильно сокращает путь. Благодаря этому мы явимся на место скорее, чем следуя за нашим отрядом.

— Он мне не нравится, — ответила девушка и притворно вздрогнула, хотя и в душе ей было

также страшно. — Вы хорошо знаете его, Дункан? Ведь в противном случае вы, конечно, не доверяли бы ему.

— Скорее я бы не доверился вам, Алиса. Я знаю этого индейца, иначе я не выбрал бы его проводником, особенно в такую минуту. Говорят, Магуа — уроженец Канады, а между тем служит нашим друзьям мохокам, которые, как вам известно, принадлежат к числу шести союзных племен¹. Мне говорили, что он попал сюда по какой-то странной случайности, имевшей отношение к вашему отцу. Кажется, генерал жестоко поступил с этим индейцем... Впрочем, я позабыл эту досужую болтовню. Достаточно, что теперь он наш друг.

— Если он был врагом моего отца, тем хуже для нас, — заметила девушка, встревожившись не на шутку. — Майор Хейворд, пожалуйста, заговорите с ним, мне хочется услышать звук его голоса. Может быть, это глупо, но я всегда сужу о человеке по его голосу.

— Если я заговорю с ним, это, по всей вероятности, ни к чему не приведет, — проговорил Хейворд. — Он ответит мне каким-либо односложным восклицанием. Мне кажется, Магуа понимает по-английски, но делает вид, что не знает нашего языка. Кроме того, он вряд ли пожелает вести со мной разговор теперь, когда военное время требует от него всех признаков высшего воинского достоинства... Но смотрите, наш проводник остановился. Очевидно, тут начинается та тропинка, на которую нам придется свернуть.

Дункан был прав. Когда всадники подъехали к индейцу, который неподвижно стоял, указывая на чашу кустов, окаймлявших военную дорогу, они разглядели тропинку, настолько узкую, что по ней можно было ехать только гуськом.

— Мы должны свернуть на эту дорожку, — шепотом сказал Хейворд. — Не выражайте никаких опасений, не то вы навлечете на себя именно ту опасность, которой боитесь.

— Кора, как ты думаешь, не безопаснее ли ехать вместе с отрядом? — спросила сестру златокудрая Алиса. — Хотя это будет более утомительно...

— Алиса, вы плохо знаете обычаи и привычки дикарей, а потому не понимаете, в каких случаях следует бояться, — возразил Хейворд. — Если неприятель уже дошел до волока, что совершенно невероятно, так как наши разведчики донесли бы нам об этом, он стал бы, очевидно, окружать наш отряд, надеясь добыть большое количество скальпов. Путь от-

¹ С о ю з ш е с т и п л е м е н — мохоки, онайды, сенеки, кайюги, онондаги и тускаро-ры, родственные племена, враждовавшие с племенами ленапов (могикан и делаваров). Эти шесть племен носили различные прозвища. Их часто называли макусами, мингами или ирокезами.

ряда известен всем, наша же дорожка еще составляет тайну, так как мы решили ехать по ней всего какой-нибудь час назад.

— Неужели мы не должны верить этому человеку только потому, что его движения и повадки не похожи на наши, а цвет его лица темнее кожи белых? — холодно спросила Кора.

Алиса перестала колебаться; она ударила хлыстом своего нарраганзета¹, первая раздвинула ветви и поехала вслед за скороходом по темной узкой лесной тропинке. Хейворд с восхищением смотрел на Кору; он не заметил даже, что ее белокурая спутница одна углубилась в чащу. Слуги, повинувшись полученному заранее приказанию, не последовали за ними, а двинулись вдогонку за отрядом. Хейворд объяснил девушкам, что это было сделано из осторожности, по совету их хитрого проводника: индеец желал уменьшить количество следов на случай, если бы сюда забрели разведчики канадских племен. Сложный путь не располагал к разговору; вскоре путники миновали широкую опушку густого леса и очутились под темными сводами больших деревьев. Дорога стала удобнее; скороход, заметивший, что молодые всадницы теперь лучше управляли своими лошадьми, прибавил шагу, и Коре с Алисой пришлось пустить нарраганзетов иноходью. Хейворд обернулся было, чтобы сказать что-то черноглазой Коре, но в эту минуту раздался отдаленный звук копыт, стучавших по корням на тропинке. Это заставило молодого человека остановить своего коня. Кора и Алиса тоже натянули поводья. Все трое хотели узнать, в чем дело.

Через несколько мгновений они увидели жеребенка, который, точно олень, несся между стволами сосен; вслед за тем появилась нескладная фигура, описанная нами в предыдущей главе. Неуклюжий незнакомец приближался со всей скоростью, на которую была способна его тощая лошадь. До настоящего мгновения эта фигура выпала из поля зрения путешественников. Если он обычно привлекал любопытных своим высоким ростом, то его грация наездника заслуживала еще большего внимания. То и дело одной ногой шпорил он свою клячу, но добивался только того, что ее задние ноги шли легким галопом, тогда как передние делали какие-то неопределенные, постоянно изменявшиеся движения, похожие на хромую рысь. Частая смена рыси галопом создавала оптический обман, вследствие которого казалось, будто лошадь движется быстрее, нежели это было на самом деле; во всяком случае, знаток коней Хейворд никак не мог решить, каким аллюром двигалось бедное животное, подгоняемое шпорой настойчивого всадника.

Все движения как всадника, так и коня были необычны. При каждом шаге лошади незнакомец приподнимался в стремях и, то слишком вы-

¹ Нарраганзет — лошадь очень выносливой породы.

прямяя, то непомерно сгибая ноги, внезапно вырастал, а потом съеживался так, что положительно никто не мог бы судить о его росте. Если к этому прибавить, что под действием его шпоры одна сторона лошади, казалось, бежала скорее, чем другая, а движения ее косматого хвоста беспрестанно указывали, который ее бок страдает от шпоры, мы довершим изображение клячи и наездника.

Морщинки, которые легли было на красивый, открытый, мужественный лоб Хейворда, постепенно разгладились, и он слегка улыбнулся. Алиса не сдержала смеха. И даже в темных задумчивых глазах Кору блеснула усмешка.

— Вы хотите видеть кого-нибудь из нас? — спросил Дункан, когда странный всадник подъехал и задержал лошадь. — Надеюсь, вы не привезли нам дурных известий?

— Вот именно, — ответил незнакомец, размахивая своей треугольной шляпой, чтобы привести в движение душный лесной воздух, и предоставив слушателям решать, к какой части вопроса относится его замечание. Однако, освежив свое разгоряченное лицо и отдышавшись, чужак прибавил: — Говорят, вы едете в форт Уильям-Генри. Я направляюсь туда же,

а потому решил, что всем нам доставит удовольствие совершить этот переезд в приятном обществе.

— Вы, кажется, присвоили себе право решающего голоса, — возразил Хейворд. — Но нас трое, вы же посоветовались только с одним собой.

— Вот именно. Самое главное — это узнать свои собственные желания, а когда это уже известно, то остается только выполнить свое намерение. Поэтому-то я и догнал вас.

— Если вы едете к озеру, вы ошиблись дорогой, — высокомерно заметил Дункан, — большая дорога осталась по крайней мере на полмили позади вас.

— Вот именно, — ответил странный всадник, нимало не смущенный холодным приемом. — Я прожил всего неделю в Эдварде и не спросил бы, по какой дороге мне нужно ехать, только в том случае, если бы онемел, а немой я погиб бы для избранной мною профессии. — Он слегка хихикнул, словно скромность не позволяла ему открыто восхищаться своим остроумием, которое было совершенно непонятно слушателям, и потом продолжал: — Со стороны человека моей профессии неосторожно запросто держаться с людьми, которых он должен поучать; вот причина, по которой я не поехал вслед за отрядом. Кроме того, я считаю, что такой джентльмен, как вы, конечно, лучше всех других может руководить путниками. Это соображение заставило меня присоединиться к вашему обществу. И наконец, с вами мне будет веселее ехать: мы можем беседовать.

— Какое самовольное и необдуманное решение! — ответил Хейворд, не зная, дать ли волю раздражению или расхохотаться в лицо незнакомцу. — Но вы говорите о поучениях и о профессии. Кто вы? Не учитель ли, преподающий благородную науку обвинений и защиты? Или вы один из тех, что вечно чертят прямые линии да углы, говоря, будто они занимаются математикой?

Незнакомец с явным удивлением посмотрел на Хейворда, потом без самодовольства, а, напротив, с величайшим и торжественным смирением — ответил:

— Надеюсь, ни о каких обвинениях речь не идет; о защите я немышляю, так как, по милости божией, не совершил никакого великого греха. Вашего намека на линии и углы я совершенно не понял; дело обучения ближних я предоставляю тем, кто избран совершать это святое дело. Я предъявляю только притязания на светлое искусство псалмопения, на умение возносить хвалы и славословия.

— Это, очевидно, ученик Аполлона, — смеясь, воскликнула Алиса, — и я принимаю его под свое особое покровительство!.. Полно, Хейворд, перестаньте хмуриться. Вообразите, что мой слух жаждет нежных звуков,

и позвольте этому чудаку остаться с нами. Кроме того, — прибавила она, торопливо и искоса взглянув на опередившую их Кору, которая медленно ехала вслед за мрачным индейцем, — в случае нужды у нас окажется лишний друг и союзник.

— Неужели, Алиса, вы думаете, что я решился бы вести по этой неизвестной тропинке тех, кого люблю, если бы мог предполагать, что нас ждет какая-нибудь опасность?

— Нет, нет, я этого не думаю. Но этот странный человек забавляет меня, и, если действительно в его душе звучит музыка, не будем грубо отталкивать его.

Она повелительно указала хлыстом на дорогу. Хейворд встретился глазами с Алисой и подчиняясь воле девушки, прищпорил коня и через несколько прыжков очутился рядом с Корой.

Алиса знаком подозвала к себе незнакомца и пустила своего нарраганзета легкой иноходью.

— Я рада, что встретила вас, друг мой. Пристрастные родственники утверждают, что я недурно исполняю дуэты, — шутивно сказала она. — Значит, мы могли бы скрасить путешествие, предаваясь нашему любимому искусству. Кроме того, было бы приятно услышать мнение маэстро о моем голосе.

— Действительно, псалмопение освежает и дух и тело, — ответил учитель пения, подъехав поближе к Алисе, — и, конечно, как ничто на свете успокаивает взволнованную душу. Однако для полной гармонии нужны четыре голоса. Очевидно, у вас приятное, богатое сопрано; я, при известном усилии, могу брать самые высокие теноровые ноты. Но нам не хватает контральто и баса. Конечно, офицер королевской армии, так долго не желавший принять меня в свое общество, мог бы петь басовую партию... Судя по тону, звучавшим в его разговоре, у него бас.

— Не судите опрометчиво по внешним признакам: они обманчивы, — улыбаясь, возразила молодая девушка. — Правда, майор Хейворд иногда говорит на низких нотах, но, поверьте, его обычный голос гораздо ближе к сладкому тенору, чем к тому басу, который вы слышали.

— Много ли он упражнялся в искусстве псалмопения? — спросил Алису ее простодушный собеседник.

Алиса была склонна рассмеяться, но ей удалось подавить свое веселье, и она отвечала:

— Мне кажется, что Хейворд отдает предпочтение светским песням. Условия солдатской жизни мало располагают к степенным занятиям.

— Благозвучный голос, как и все другие таланты, даруется человеку для того, чтобы он употреблял его на пользу своим ближним и не зло-

употреблял им. Меня никто не может упрекнуть в том, что я давал своему таланту неверное направление.

— Вы занимаетесь только духовным пением?

— Вот именно. Как псалмы Давида превосходят все другие поэтические произведения, так и мелодии, на которые они переложены, стоят превыше всех светских песен. Где бы я ни останавливался, по каким бы странам ни путешествовал — ни во время сна, ни в минуты бдения я не расстаюсь с любимой книгой, изданной в Бостоне в 1744 году под заглавием «Псалмы, гимны и священные песни Ветхого и Нового Завета, переведенные английскими стихами для поучения и утешения истинно верующих в общественной и частной жизни, преимущественно в Новой Англии».

При этих словах чудак вынул из кармана книжку и, надев на нос очки в железной оправе, открыл томик с такой осторожностью и почтением, которых требует обращение со священными предметами. Потом, без дальнейших рассуждений и объяснений, он вложил в рот какой-то странный инструмент. Послышался пронзительный, высокий звук. Вслед за тем псалмопевец взял голосом ноту октавой ниже и наконец запел. Понеслись нежные, мелодичные звуки; даже беспокойное движение лошади не помешало пению.

О, как отрадно это —
Жить в братстве и труде,
Как будто благовония
Текут по бороде!

Псалмопевец все время отбивал такт правой рукой. Опуская ее, он слегка касался страниц книги; поднимая же, размахивал ею с особым искусством. Его рука не переставала двигаться, пока не замер последний звук.

Тишина леса была нарушена. Магуа повернулся к Дункану и пробормотал несколько слов на ломаном английском языке, а Хейворд, в свою очередь, заговорил с незнакомцем, прервав его музыкальные упражнения:

— Сейчас, по-видимому, не предвидится никакой опасности, но все же ради простой осторожности нам следует ехать без шума. Мне придется, Алиса, лишить вас удовольствия и просить этого джентльмена отложить пение до более благоприятного времени.

— Действительно, вы лишаете меня большого удовольствия, — с лукавой усмешкой ответила девушка. — Право, мне еще никогда не случалось слышать, чтобы так превосходно пели такие бессмысленные слова! Я уже собиралась спросить нашего спутника о причинах такого странного не-

соответствия, но ваш громовой бас, Дункан, прервал нить моих размышлений.

— Не понимаю, почему вы называете мой голос громовым басом? — произнес Хейворд, слегка обиженный ее словами. — Я знаю только одно, а именно: что безопасностью вашей и Кору дорожу несравненно больше, нежели всей музыкой Генделя!¹

Молодой офицер замолчал и посмотрел в сторону чащи, потом искоса и подозрительно взглянул на Магу, который шел по-прежнему спокойно и невозмутимо. Увидав это, молодой человек улыбнулся, потешаясь над собственными тревогами: разве не принял он только что блики света на каких-то блестящих лесных ягодах за горящие зрачки притаившегося в листве индейца! Теперь майор ехал спокойно, продолжая разговор, прерванный мелькнувшими у него опасениями.

Но Хейворд сделал великую ошибку, позволив своей юной гордости заглушить голос осторожности.

Едва спутники проехали несколько шагов, как ветви кустов осторожно и бесшумно раздвинулись, и из них выглянуло свирепое лицо в грозной боевой раскраске.

¹ Гендель Георг-Фридрих (1685—1759) — великий немецкий композитор.

Злобное торжество осветило темные черты жителя лесов, провожавшего взглядом маленький беззаботный отряд.

Легкие и грациозные всадницы то исчезали, то появлялись среди ветвей; за ними двигался отважный майор на своей превосходной лошади, а позади всех — нескладный учитель пения. Наконец и его фигура скрылась среди темных стволов глухого леса.

ГЛАВА III

Полей бескрайних ковер цветущий
Здесь раньше расстился.
Стоял стеной дремучий лес,
играл волной речной поток
И бил родник в тени ветвей.

Брайант

редоставим ничего не подозревавшему Хейворду и его доверчивым спутникам углубляться в дремучий лес, населенный вероломными жителями, и, используя свое авторское право, перенесем место действия нашего рассказа на несколько миль к западу от того места, где мы их видели последний раз.

В этот день два человека сидели на берегу небольшого, но очень быстрого потока, протекавшего на расстоянии одного часа пути от лагеря Вебба. По-видимому, они ждали появления какого-то человека или начала каких-то событий. Могучая стена леса доходила до самого берега речки; ветви густых деревьев свешивались к воде, бросая на нее темную тень. Солнце уже не жгло с такой силой, дневной зной спал, и прохладные испарения ручьев и ключей легкой дымкой висели в воздухе. Тишина, царившая в этом лесном уголке, прерывалась по временам ленивым постукиванием дятла, резким криком пестрой сойки или глухим однообразным гулом отдаленного водопада, доносимым ветром.

Но эти слабые обрывки звуков были хорошо знакомы жителям лесов и не отвлекали их внимания от беседы. Красный цвет кожи одного из

собеседников и его одежда обличали в нем воина-индейца. Загорелое лицо другого, одетого тоже в очень простое и грубое платье, было гораздо светлее; он казался несомненным потомком европейских переселенцев.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и спокойными, но выразительными движениями рук подчеркивал свои слова. Его почти обнаженное тело являлось ужасной эмблемой смерти: оно было расписано черной и белой красками, что придавало человеку вид скелета. На бритой голове индейца была только одна прядь волос¹, украшением же служило лишь орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса виднелись томагавк и скальпировальный нож английского производства. На мускулистом колене небрежно лежало короткое солдатское ружье, одно из тех, какими англичане вооружали своих краснокожих союзников. Все в этом воине — его широкая грудь, прекрасное телосложение и горделивая осанка — доказывало, что он достиг полного расцвета жизни, но еще не начал приближаться к старости.

Судя по фигуре белого, можно было сказать, что он с самой ранней юности познакомился с лишениями и невзгодами. Он был мускулист, скорее худощав, чем толст; каждый напряженный нерв и стальной мускул его тела говорили о том, что жизнь этого человека проходила в беспрестанном риске и тяжелом труде; одежда его состояла из охотничьей рубашки зеленого цвета, окаймленной желтой бахромой; голову прикрывала летняя кожаная шляпа. За поясом охотника торчал нож, но томагавка у него не было. По обычаю краснокожих его мокасины украшала пестрая отделка, кожаные штаны были зашнурованы по бокам, а выше колен перевязаны оленьими жилами. Кожаная сумка и рог с порохом довершали его снаряжение; у ствола соседнего дерева стояло его очень длинное ружье. В небольших глазах этого охотника или разведчика светились живость, проницательность и ум. Во время разговора он оглядывался по сторонам, то ли высматривая дичь, то ли опасаясь какого-нибудь скрытого нападения. Несмотря на обычную подозрительность, лицо его было не только бесхитростным, но в тот момент, о котором идет речь, оно было преисполнено безукоризненной честности.

— Предания твоего племени, Чингачгук, говорят за меня, — сказал он.

Беседа велась на том наречии, которое было знакомо всем туземцам, занимавшим область между реками Гудзоном и Потомаком, и мы будем для удобства читателя давать лишь вольный перевод, стараясь, однако, сохранить некоторые особенности речи собеседников.

¹ Североамериканские индейцы бреют голову, а на макушке оставляют прядь волос, взявшись за которую, враг может легко снять скальп.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и спокойными, но выразительными движениями рук подчеркивал свои слова.

— Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через Большую Реку¹, сразились с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от красной утренней зари, переплыли через Соленое Озеро и поступили так же, как твои родоначальники. Не будем же спорить об этом и попусту тратить слова.

— Мои праотцы сражались с обнаженными краснокожими людьми, — сурово ответил индеец на том же языке. — Скажи, Соколиный Глаз, разве ты не видишь разницы между стрелой с каменным острием и свинцовой пулей, которой ты приносишь смерть?

— Природа дала индейцу красную кожу, но у него есть разум, — сказал белый, покачав головой, словно человек, для которого этот призыв к его справедливости не прошел впустую. На мгновение показалось, что ему пришло в голову только слабое доказательство, но потом, собравшись с мыслями, он ответил на возражение своего соперника наилучшим образом, насколько ему это позволяли его скудные знания: — Я неученый человек и не скрываю этого; однако, судя по тому, что я видел во время охоты на оленей и белок, мне кажется, что ружье в руках моих дедов было менее опасно, нежели лук и хорошая кремневая стрела, которую послал в цель зоркий глаз индейца.

— Все это ты слышал от твоих отцов, — холодно ответил краснокожий, махнув рукой. — Но что говорят ваши старики? Разве они говорят воинам, что бледнолицые были встречены краснокожими в военной раскраске, с каменными топорами и деревянными ружьями в руках?

— У меня нет пристрастий, я не хвастаюсь преимуществами своего рождения, хотя мой злейший враг — макуас — не посмеет отрицать, что я чистокровный белый, — ответил охотник, с тайным удовлетворением разглядывая свою потемневшую жилистую руку. — Но я охотно признаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников. Один из обычаев этих людей — заносить в книги все, что они видели или сделали, вместо того чтобы рассказать обо всем в поселениях, где всякая ложь трусливого хвастуна немедленно обнаружится, а храбрый солдат сможет призвать в свидетели собственным правдивым словам своих же товарищей. И поэтому многие ничего не узнают о настоящих делах отцов своих и не будут стараться превзойти их. Что касается меня, то в обращении с ружьем у меня прирожденные способности, и это, наверное, передается из поколения в поколение, ибо, как говорят наши священные заповеди, хорошее и плохое наследуется. Впрочем, я бы не хотел отвечать за других. Каждую историю можно рассматривать с двух сторон. Скажи мне, Чингачгук, что говорят предания краснокожих о первой встрече твоих дедов с моими?

¹ Миссисипи.

Наступило молчание. Индеец долго не говорил ни слова; наконец, полный сознания важности того, что он скажет, он начал рассказ, и в его тоне зазвучала торжественная искренность:

— Слушай, Соколиный Глаз, и твои уши не воспримут лжи! Вот что говорили мои отцы, вот что совершили могикане! Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины, на которых пасутся стада бизонов, и безостановочно двигались до великой реки. Тут мы вступили в борьбу с аллигевами и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Соленого Озера мы не встретили никого, только одни макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш. Мы мужественно завоевали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы прогнали макуасов в леса, полные медведей, и они добывали для себя соль только из ям пересохших соленых источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им одни кости...

— Обо всем этом я уже слышал и всему верю, — сказал белый охотник, видя, что индеец замолчал. — Но ведь все, о чем ты рассказываешь, случилось задолго до того времени, когда пришли англичане.

— Тогда сосны росли там, где теперь поднимаются каштаны. Первые бледнолицые, пришедшие к нам, говорили не по-английски. Они приплыли в большой пироге. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными племенами зарыли свой томагавк¹. И тогда... — произнес Чингачгук, и глубокое волнение выразилось только в тоне его голоса, — тогда, Соколиный Глаз, мы составляли один народ. Мы были счастливы! Соленое Озеро давало нам рыбу, леса — оленей, воздух — птиц. У нас были жены, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и макуасы боялись наших победных песен...

— А ты знаешь, что было в то время с твоими предками? — спросил белый. — Должно быть, они были храбрыми, честными воинами и, сидя в советах вокруг костров, давали соплеменникам мудрые наставления.

— Мое племя — прадед народов, но в моих жилах нет ни капли смешанной крови, в них кровь вождей — чистая, благородная кровь, и такой она останется навсегда... На наши берега высадились голландцы. Белые дали моим праотцам огненную воду; они стали пить ее; пили с жадностью, пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Тогда моим отцам пришлось расстаться со своей родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь и сагамор² индейцев, вижу

¹ Торжественный обряд, означающий окончание войны.

² С а г а м ó р (буквально: мудрый, могучий) — почетное звание старейшин племени.

лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцев.

— Могилы внушают благоговейный трепет, — заметил собеседник индейца, растроганный благородной и сдержанной печалью Чингачгукка, — и они часто помогают человеку в его благих начинаниях; правда, что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои кости остались белеть в лесах или были разодраны на части волками. Но скажи, где живут представители твоего рода, потомки людей, которые пришли в дела-варскую землю много весен назад?

— Ответь мне, куда исчезли, куда скрылись цветы давно улетевших летних дней? Они упали, осыпались. Так погиб и весь мой род: все могикане, один за другим, отошли в страну духов. Я стою на вершине горы, но скоро придет время спускаться вниз. Когда же и Ункас уйдет вслед за мною, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын — последний из могикан!

— Ункас здесь, — слышался мягкий молодой голос. — Кто упомянул об Ункасе?

Белый охотник поспешно вынул свой нож из ножен и невольно потянулся за ружьем. Чингачгук же, услышав голос, остался спокойно сидеть и даже не повернул голову.

В следующее мгновение показался молодой индеец; беззвучными шагами он проскользнул между двумя друзьями и сел на берегу быстрого потока. Ни одним звуком не выразил индеец-отец своего удивления. В течение многих минут не слышалось ни вопросов, ни ответов; каждый, казалось, ждал удобного мгновения, чтобы прервать молчание, не выказав любопытства, свойственного только женщинам, или нетерпения, присущего детям.

Белый охотник, очевидно подражая обычаям краснокожих, выпустил из рук ружье и тоже сосредоточенно молчал.

Наконец Чингачгук медленно перевел взгляд на лицо своего сына и спросил:

— Не осмелились ли макуасы оставить следы своих мокасин в этих лесах?

— Я шел по отпечаткам их ног, — ответил молодой индеец, — и узнал, что число их равняется количеству пальцев на обеих моих руках. Но ведь они трусы и прячутся в засадах.

— Мошенники залегли в чаще и ждут удобной минуты, чтобы добыть скальпы и ограбить кого-нибудь, — сказал Соколиный Глаз. — Этот француз Монкальм, конечно, послал своих шпионов в лагерь англичан и во что бы то ни стало узнает, по какой дороге движутся наши.

— Довольно! — сказал старший индеец, взглянув в сторону заходящего солнца. — Мы выгоним их из кустов, как оленей... Соколиный Глаз, закусим сегодня, а завтра покажем макуасам, что мы настоящие мужчины.

— Я согласен. Но, для того чтобы разбить ирокезов, прежде всего нужно отыскать, где спрячутся эти хитрые плуты, а чтобы поесть, нужно найти зверя... Да вот он, тут как тут! Посмотри-ка, вон самый крупный олень, какого я встречал в течение нынешнего лета! Видишь, он бродит внизу в кустах?.. Послушай, Ункас, — продолжал разведчик, понизив свой голос до шепота и смеясь беззвучным смехом человека, привыкшего к осторожности, — я готов прозакладывать три совка пороха против одного фунта табака, что попаду ему между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

— Не может быть! — ответил молодой индеец и с юношеской пылкостью вскочил с места. — Ведь над кустами видны только его рога, даже только их кончики.

— Он — мальчик, — усмехнувшись, сказал Соколиный Глаз, обращаясь к старому индейцу. — Он думает, что, видя часть животного, охотник не в силах сказать, где должно быть все его тело.

Он прицелился и уже собирался показать свое искусство, которым так гордился, как вдруг Чингачгук ударил рукой по его ружью и сказал:

— Ты, верно, хочешь сразиться с макусами, Соколиный Глаз?

— Эти индейцы точно чутьем узнают, что кроется в чаще, — произнес охотник, опуская ружье и поворачиваясь к Чингачгуку, как бы признавая свою ошибку. — Ну что делать! Предоставляю тебе, Ункас, убить оленя стрелой, не то, пожалуй, мы действительно свалим животное для этих воров-ирокезов...

Чингачгук одобрил предложение белого, выразительно кивнув головой. Ункас бросился на землю и стал осторожно подползать к оленю.

Когда молодой могикинин очутился всего в нескольких ярдах от кустов, он бесшумно наложил стрелу на тетиву лука. Рога шевельнулись; казалось, их обладатель почуял в воздухе близость опасности. Еще секунда — и тетива зазвенела. Стрела блеснула в воздухе. Раненое животное выскочило из ветвей прямо на своего скрытого врага, грозя нанести ему удар рогами. Ункас ловко увернулся от взбешенного оленя и, подскочив к нему сбоку, быстро пронзил его шею ножом. Олень ринулся к реке и упал, окрашивая воду своей кровью.

— Дело сделано с ловкостью индейца, — с одобрением сказал Соколиный Глаз, беззвучно смеясь. — Приятно было смотреть! Но все же стрела хороша лишь на близком расстоянии, и в помощь ей нужен нож.

— У-у-ух! — произнес его собеседник и быстро повернулся, точно собака, почуявшая дичь.

— Клянусь богом, кажется, сюда идет целое стадо! — заметил Соколиный Глаз, и его глаза заблестели. — Если олени подойдут на расстояние ружейного выстрела, я все-таки пушу в них пулю-другую, хотя бы весь союз шести племен услышал грохот ружья! Что ты слышишь, Чингачгук? Для моего слуха лесные чащи молчат.

— Вблизи только один олень, да и тот убит, — сказал индеец и наклонился так низко, что его ухо почти коснулось земли. — Но я слышу звуки шагов.

— Может быть, волки гнали этого оленя и теперь бегут по его следам?

— Нет. Приближаются кони белых, — ответил Чингачгук, горделиво выпрямился и принял прежнюю позу. — Соколиный Глаз, это твои братья. Поговори с ними.

— Хорошо. Я обращаюсь к ним с такой английской речью, что самому английскому королю не было бы стыдно ответить мне, — сказал охотник на том языке, знанием которого он гордился. — Но я ничего не вижу и не слышу: ни шагов животных, ни топота человеческих ног... Ага! Вот треск сухого хвороста! Теперь и я слышу, как зашелестели кусты. Да-да, шум шагов! Я его принял за отголосок рева водопадов. Но вот и люди. Боже, спаси их от ирокезов!

ГЛАВА IV

— Ты не уйдешь отсюда раньше,
Чем я возмездье совершу...

Шекспир, «Сон в летнюю ночь»

Едва разведчик замолчал, как показался первый всадник небольшого отряда. Его-то шаги и уловил настороженный слух индейца.

Через полянку бежала одна из тех извилистых тропинок, которые протаптывают олени на своем пути к водопою; она упиралась в речку подле того места, где отдыхали белый охотник и его краснокожие товарищи. По тропинке медленно двигались путешественники, появление которых в глубине этих непроходимых лесов казалось весьма странным. Соколиный Глаз сделал навстречу им несколько шагов.

— Кто идет? — спросил разведчик, как бы нечаянно подняв левой рукой ружье и приложив указательный палец правой к курку; в то же время он старался, чтобы в этом движении не было угрозы. — Кто идет сюда по опасной и дикой тропе зверей?

— Друзья закона и короля, — ответил всадник, ехавший впереди остальных. — С восхода солнца мы едем в тени этого леса

и жестоко измучены усталостью, голодом и своим трудным странствием...

— Вы, наверное, заблудились, — прервал его Соколиный Глаз, — и настолько беспомощны, что не знаете, ехать ли вам направо или налево.

— Вот именно. Не знаете ли вы, как далеко отсюда до королевского форта Уильям-Генри?

— О! — воскликнул белый охотник и расхохотался, но быстро подавил неосторожный громкий смех, опасаясь привлечь внимание врагов. — Вы потеряли дорогу, как собака теряет след оленя, когда между нею и зверем расстилается озеро Хорикэн. Уильям-Генри!.. Боже мой! Если вы друзья короля и у вас есть дела с королевской армией, лучше поезжайте по течению реки к форту Эдвард и скажите о том, что вам нужно, Веббу, который спрятался в этой крепости, вместо того чтобы пробиться в теснины и прогнать дерзкого француза в его берлогу за Шамплейном.

Путник ничего не ответил на это странное предложение, потому что другой всадник выехал из рощи и, обогнав его, сказал, обращаясь к охотнику:

— Сколько отсюда до форта Эдвард? Из того места, куда вы теперь советуете нам отправиться, мы выехали сегодня утром, а направляемся в верховье озера.

— Значит, вы раньше потеряли зрение, а потом уже заблудились, потому что дорога через волок, шириной по крайней мере в две сажени, просторней, пожалуй, чем лондонское шоссе, и шире дороги перед самым королевским дворцом.

— Мы не будем оспаривать достоинства военной дороги, — с улыбкой возразил Хейворд, ибо, как, наверное, догадался читатель, это был он. — Полагаю, в настоящую минуту достаточно сказать вам, что мы доверились проводнику-индейцу, который обещал провести нас ближайшей, хотя и очень глухой тропинкой. Но оказалось, что он плохо знал ее, и теперь совсем непонятно, где мы очутились.

— Индеец, заблудившийся в лесу? — сказал охотник и с сомнением покачал головой. — Он заблудился в такое время, когда солнце жжет вершины деревьев, а ручьи полны до краев, когда мох каждой березы может сказать, в какой стороне неба загорится вечером северная звезда? Леса полны оленьих троп, которые сбегают или к рекам, или к соляным ямам, — словом, к местам, известным каждому. Кроме того, и гуси не все еще улетели к канадским водам. Странно, очень странно, что индеец сбился с пути между Хорикэном и излучиной реки! Не мохок ли он?

— По рождению нет, хотя это племя приняло его к себе. Мне кажется, его родина севернее и он принадлежит к индейцам, которых вы называете гуронами.

— У-у-ух! — в один голос вскрикнули краснокожие товарищи белого охотника.

До сих пор они сидели неподвижно и, по-видимому, бесстрастно относились ко всему происходящему, но в эту минуту могикане вскочили: удивление, видно, взяло верх над их выдержкой.

— Гурон? — повторил суровый разведчик и снова, не скрывая недоверия, покачал головой. — Это предательское, вороватое племя. Гурон остается гуроном, кто бы ни принял его к себе. Никакими средствами вы ничего не сделаете из него, он всегда останется трусом и бродягой.

Раз вы отдали себя в руки одного из этих людей, надо только удивляться, что он еще не заставил вас наткнуться на целую шайку.

— Этого нечего бояться, так как форт Уильям-Генри всего в нескольких милях от нас. Кроме того, вы забыли, что наш проводник теперь мохок, что он служит нашей армии и стал нашим другом.

— А я говорю вам, что тот, кто родился гуроном, гуроном и умрет, — уверенно ответил Соколиный Глаз. — Мохок!.. Если хотите видеть честных людей, ищите их среди могокан или делаваров. Да. Они честно дерутся, хотя не все из их племени соглашаются идти в бой, так как многие позволили макуасам превратить себя в слабых женщин. Но уж если они дерутся, то это настоящие воины.

— Довольно об этом! — нетерпеливо заметил Хейворд. — Я не буду здесь собирать сведения о хорошо знакомом мне человеке, который совершенно неизвестен вам. Вы еще не ответили на мой вопрос: на каком расстоянии мы находимся от главного отряда, расположенного в форте Эдвард?

— Это зависит от того, какой проводник поведет вас. А на таком коне, как ваш, можно покрыть это расстояние между восходом и заходом солнца.

— Я не хочу тратить слова попусту, — сказал Хейворд, подавляя свое недовольство и продолжая разговор в более миролюбивом духе. — Если только вы скажете мне, сколько миль осталось до форта Эдвард, и согласитесь проводить нас туда, вы получите вознаграждение за труды.

— А кто поручится, что, сделав это, я не провожу врага и шпиона Монкальма в наши укрепления? Не всякий говорящий по-английски — честный и верный человек.

— Если вы действительно служите разведчиком, то, конечно, знаете шестидесятый королевский полк?

— Шестидесятый? Как не знать! Не многое скажете вы мне об американских сторонниках короля, чего я сам не знал бы, хотя на мне и не красный мундир, а охотничья куртка.

— Тогда, значит, вам известно имя майора этого полка...

— Майора? — прервал его Соколиный Глаз и выпрямился с видом человека, гордящегося своей репутацией. — Уж если в колониях есть человек, знающий майора Эффингэма, то он перед вами.

— В шестидесятом полку не один майор. Эффингэм — старший из них, а я говорю о самом младшем, о том, который командует гарнизоном форта Уильям-Генри.

— Да-да, слышал, что это место занял какой-то молодой и богатый джентльмен из южных провинций. Но он слишком молод для такого поста, не следовало поручать начальство над седеющими людьми юному

офицеру. А между тем, говорят, он отлично знает свое дело и очень храбр.

— Кто бы он ни был, что бы ни говорили о нем, он теперь разговаривает с вами, и, конечно, вы не должны опасаться его.

Разведчик с удивлением посмотрел на Хейворда, потом, сняв шляпу, ответил тоном менее самоуверенным, но все же выразившим сомнение:

— Я слышал, что один отряд должен был сегодня утром выступить из форта Эдвард к озеру.

— Вам сказали правду. Но я выбрал кратчайшую дорогу и доверился опытности того индейца, о котором уже упоминал.

— А он обманул вас и потом бросил?

— Он не сделал ни того, ни другого — во всяком случае, второго, так как он находится здесь.

— Хотелось бы мне взглянуть на этого человека! Если он настоящий ирокез, я узнаю его по хитрому взгляду и по раскраске, — сказал разведчик.

Пройдя мимо лошади Хейворда и клячи псалмопевца, около которой уже примостился сосать молоко жеребенок, он двинулся вдоль кустов и вскоре подошел к девушкам, с нетерпением и некоторой тревогой ожидавшим конца переговоров.

Позади Кору и Алисы стоял индеец-скороход; прислонившись к дереву, он бесстрастно встретил впившийся в него взгляд разведчика. Лицо индейца выражало такую мрачную свирепость, что невольно внушало чувство страха.

Удовлетворенный своим осмотром, Соколиный Глаз отошел от краснокожего, остановился на мгновение, любясь красотой девушек, и радушно ответил на улыбку и ласковый кивок Алисы, затем подошел к лошади псалмопевца, кормившей своего жеребенка, с минуту смотрел на ее всадника, напрасно стараясь угадать, кто он, и наконец, покачав головой, снова вернулся к Дункану.

— Минг всегда останется мингом, и ни мохоки и никакое другое племя не изменят его, — сказал он, занимая свое прежнее место. — Если бы вы были одни и согласились отдать в жертву волкам вашего благородного коня, я в один час довел бы вас до форта Эдвард, потому что эта крепость находится всего на расстоянии часа пути отсюда. Но с вами женщины, для которых такой переход невозможен.

— Почему? Правда, они устали, но могут проехать еще несколько миль.

— Немыслимо, — повторил разведчик. — После того как стемнеет, я и мили не прошел бы с этим скороходом, хотя бы за то мне обещали лучшее ружье во всех колониях. Здесь, в чаще, скрываются ирокезы, и ваш

мохок слишком хорошо знает, где спрячутся они, чтобы я согласился пуститься с ним в путь.

— Неужели? — сказал Хейворд, наклоняясь вперед и понижая голос почти до шепота: — Сознаюсь, у меня тоже появились некоторые сомнения. Правда, я старался скрыть их и притворялся спокойным, но делал это только для успокоения моих спутниц. Потому-то я не позволил индейцу идти вперед, а заставил его следовать за нами.

— С первого же взгляда видно, что это обманщик, — сказал охотник, притронувшись пальцем к носу в знак предостережения. — Вон этот вороватый минг прислонился к стволу молодого клена, там, за кустами, правая нога мошенника приходится на одной линии со стволом... — Соколиный Глаз многозначительно дотронулся до своего ружья. — Я могу попасть в него между щиколоткой и коленом, и после этого он по крайней мере на месяц лишится возможности двигаться. Подойти ближе нельзя: хитрая тварь заподозрит меня и кинется в кусты, как испуганный олень.

— Нет-нет, это не годится. Может быть, он ни в чем не виноват, и мне не хочется, чтобы вы ранили его. Хотя если бы я вполне удостоверился, что он предатель...

— Ну, в этом нечего сомневаться: ирокез всегда готов изменить и обмануть, — сказал Соколиный Глаз. Говоря это, он вскинул ружье и навел его дуло на Магуа.

— Погодите, — остановил его Дункан, — не стреляйте. Придумайте какой-нибудь другой способ от него избавиться, хотя я имею основание предполагать, что негодяй обманул меня.

Соколиный Глаз отказался от намерения перебить ногу индейцу-скороходу; он на минуту задумался, потом сделал рукой знак своим друзьям-могиканам, которые тотчас же подошли к нему. Все трое вполголоса заговорили на делаварском наречии. С серьезным выражением они сосредоточенно и тихо совещались о чем-то. Судя по движениям рук белого охотника, который часто указывал в сторону поднимавшегося над кустами молодого деревца, он, очевидно, говорил о предателе.

Его товарищи скоро сообразили, чего он ждет от них, и, отложив свои ружья, исчезли в чаще. Один пошел направо, другой — налево. Они спрятались в чаще и скользили в кустах совершенно бесшумно.

— Теперь вернитесь к вашим спутницам, — обращаясь к майору, сказал Соколиный Глаз, — и заговорите с индейцем. Могикане схватят его, не попортив даже раскраски.

— Нет, — гордо ответил Дункан, — я сам хочу его схватить!

— Ну скажите, что сделаете вы, сидя на лошади, когда вашим противником окажется индеец, скользящий среди кустов?

— Я сойду с коня.

— А вы думаете, что, увидав, как вы освобождаете из стремени одну ногу, он будет терпеливо стоять и дожидаться, чтобы вы спрыгнули на землю? Всякий, кто вступает в эти леса и собирается иметь дело с туземцами, должен перенять обычаи индейцев, если желает удачи... Итак, вперед! Заговорите с этим злодеем и сделайте вид, будто вы считаете его верным другом.

Хейворд согласился подчиниться, чувствуя сильное отвращение к делу, которое ему предстояло выполнить. Однако с каждой минутой в нем усиливалось сознание опасности, которая нависла над его спутниками из-за их доверчивости. Солнце село, и сгустившиеся тени придавали лесу мрачный вид. Очертания деревьев расплывались, и тьма ясно напоминала Дункану, что приближались часы, в которые дикари совершали свои самые кровавые деяния — деяния мести или вражды. Эти опасения заставили Хейворда направиться к ирокезу. Разведчик немедленно завязал очень оживленный и громкий разговор с певцом, который так бесцеремонно присоединился с утра к маленькому обществу. Проезжая мимо девушек, Дункан бросил им несколько ободряющих слов и с удовольствием заметил, что они бодры, несмотря на усталость, и что остановка не встревожила их. Сказав Коре и Алисе, что ему нужно переговорить с индейцем о дальнейшей дороге, Хейворд пришпорил своего коня и снова натянул поводья, когда благородное животное очутилось в нескольких ярдах от Магуа, все еще стоявшего подле дерева.

— Вот, Магуа, ты сам видишь, — начал Хейворд, стараясь говорить спокойным и дружеским тоном, — наступает ночь, а до форта Уильям-Генри не ближе, чем было, когда на восходе солнца мы выходили из лагеря генерала Вебба. Ты сбился с дороги, да и я оплошал. К счастью, мы столкнулись с охотником — слышишь, он разговаривает с певцом, — с охотником, который хорошо знает все оленьи тропы, все дорожки глухого леса и обещает проводить нас в такое место, где мы в безопасности отдохнем до следующего утра.

Блестящие глаза индейца впились в лицо Хейворда, и он спросил на ломаном английском языке:

— Он один?

— Один? — с легким колебанием повторил Дункан, с трудом заставляя себя сказать неправду. — О, не совсем один, Магуа: ведь с ним мы, его спутники!

— В таком случае Хитрая Лисица уходит, — произнес индеец и хладнокровно поднял с земли свою сумку. — С бледнолицыми останутся только люди их племени.

— Хитрая Лисица уходит? Но кого ты называешь Хитрой Лисицей, Магуа?

— Это имя дали Магуа его канадские отцы, — ответил скороход, и по его лицу было заметно, что он гордится данным ему прозвищем. — Для Хитрой Лисицы, когда Мунро ждет его, ночь равняется дню.

— А что скажет Лисица начальнику форта Уильям-Генри, когда старик спросит его о своих дочерях? Осмелится ли он объяснить начальнику, что его дочери остались без проводника, хотя Магуа обещал охранять их?

— Правда, у седовласого начальника громкий голос и длинные руки, о в глубине лесов Лисица не услышит его крика и не почувствует его ударов.

— А что скажут люди твоего племени? Они сошьют для Лисицы женское платье и велют ему сидеть в вигваме с женщинами, так как ему нельзя больше доверять дела мужественных воинов.

— Хитрая Лисица знает путь к Великим Озерам, сумеет он отыскать и прах своих отцов, — прозвучал непреклонный ответ индейца.

— Довольно, Магуа, довольно! — сказал Хейворд. — Разве мы с тобой не друзья? Зачем нам говорить друг другу жестокие и горькие слова? Мунро посулил наградить тебя, когда ты исполнишь свое обещание. Я тоже в долгу перед тобой. Итак, дай отдых усталому телу, открой свою сумку и подкрепись. Мы недолго останемся здесь. Не будем же тратить коротких минут привала и спорить, точно вздорные женщины. Когда всадницы отдохнут, мы снова двинемся в путь.

— Бледнолицые превращают себя в покорных собак белых женщин, — пробормотал индеец на своем наречии. — Когда женщинам хочется есть, белые воины покорно бросают свои томагавки, чтобы исполнить желание ленивиц.

— Что говоришь ты, Лисица?

— Хитрая Лисица говорит: «Хорошо».

Проницательный взгляд индейца был прикован к лицу майора, но, когда Хейворд тоже взглянул на Магуа, скороход быстро отвел глаза в сторону, уселся на землю, осторожно и медленно оглянулся и наконец вынул из сумки остатки съестных припасов.

— Отлично! — продолжал Дункан. — Пища придаст Хитрой Лисице сил, увеличит его проницательность, и он утром найдет тропинку.

Дункан на мгновение замолчал, услышав треск переломившейся сухой ветки и шелест листьев в соседних кустах, но, быстро овладев собой, продолжал:

— Нам нужно двинуться до восхода солнца, не то мы, пожалуй, встретим Монкальма и он отрежет нам доступ в крепость.

Поднятая рука Магуа застыла, и, хотя его глаза не отрывались от земли, он повернул голову; его ноздри расширились, и даже уши его, казалось, вытянулись, придавая ему вид статуи, изображавшей напряженное внимание.

Хейворд следил за каждым его движением и с притворной небрежностью вынул одну ногу из стремени, а руку положил на чехол из медвежьей шкуры, скрывавшей его пистолеты.

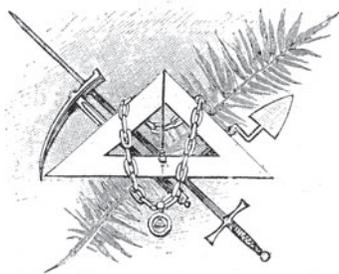
Глаза Магуа ни на мгновение не останавливались на одном каком-либо отдельном предмете, хотя лицо было неподвижно.

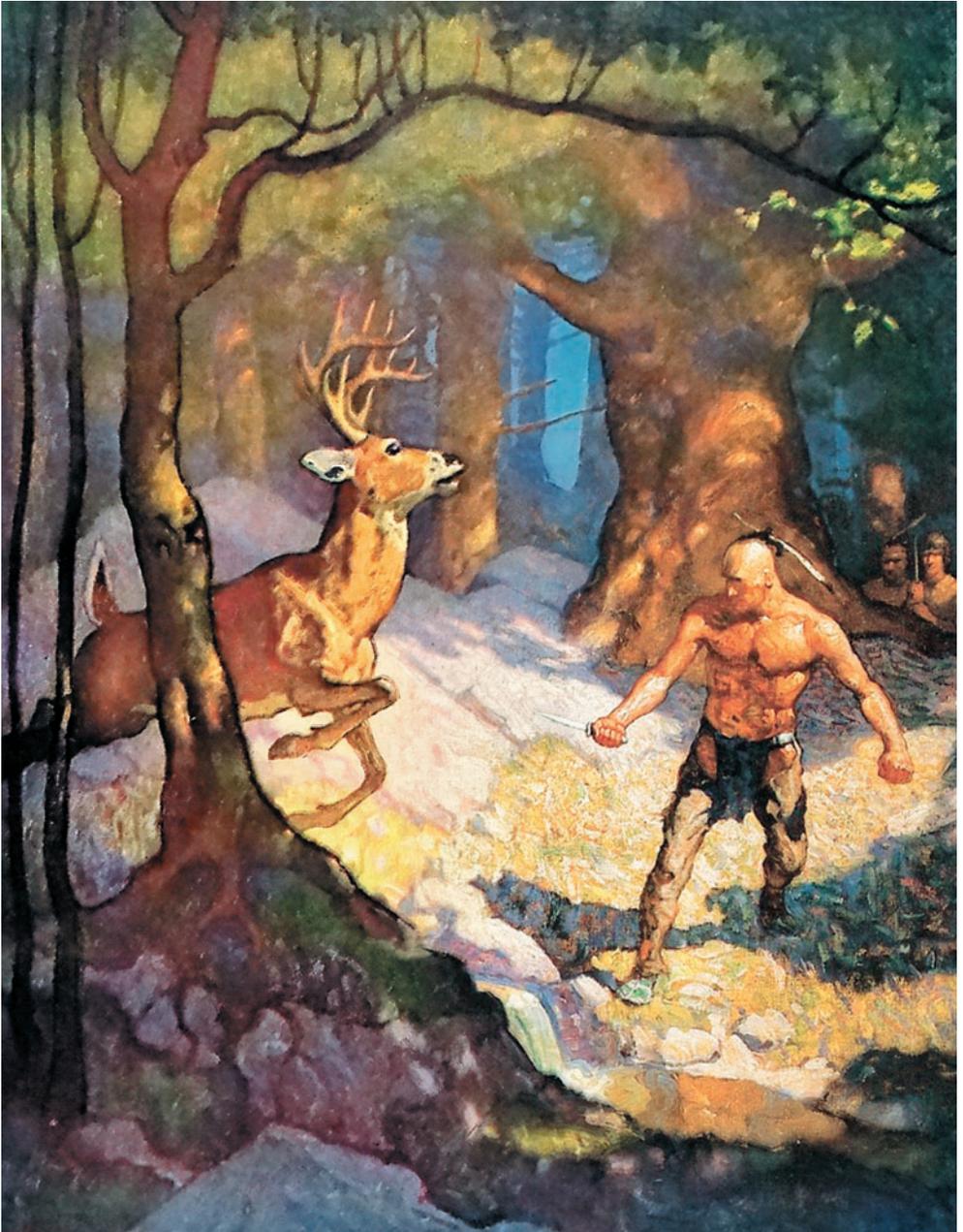
Майор не знал, на что решиться. Между тем Лисица поднялся на ноги, но так медленно и осторожно, что при этом не было слышно ни малейшего шороха. Хейворд почувствовал, что ему следует начать действовать; он перекинул ногу через седло и соскочил с лошади, твердо решив схватить предателя, во всем остальном полагаясь на свою силу и смелость.

Однако, не желая без нужды пугать своих спутниц, майор все же постарался сохранить наружное спокойствие и дружески заговорил с Магуа.

— Хитрая Лисица не ест, — сказал он, называя индейца тем именем, которое, по-видимому, казалось ему особенно лестным. — Его хлебные зерна недостаточно прожарены и жесткие? Дай-ка я посмотрю — может быть, в моих запасах найдется что-нибудь по его вкусу.

Магуа подал майору свою сумку, по-видимому желая воспользоваться предложением офицера. Их руки встретились; при этом индеец не выказал ни малейшего смущения, и его напряженное внимание не ослабло ни на миг. Но, когда он почувствовал, что пальцы Хейворда тихо скользнули по его обнаженному локтю, он отбросил руку майора, пронзительно вскрикнул, увернулся и исчез в чаще. В следующую секунду из-за кустов появилась фигура Чингачгука, раскраска которого придавала индейцу вид скелета. Могиканин кинулся за скороходом. Послышались крики Ункаса. Лес озарился вспышкой; вслед за тем прогремел выстрел ружья охотника.

Ункас ловко увернулся от взбешенного оленя и, подскочив к нему сбоку, быстро пронзил его шею ножом.